

Фёдор Водович и Иван Водович

Жил-был царь вольной человек. У этого царя была жона, Да были слуги роботчия. Эта царица сделалась беременна. Царь говорит: «Если ты родишь сына, то попустим на свет, а дочь родишь, на свет не попустим». После того царица родила дочь. И удумали куда жо эту дочь девать — царско слово назад не ворочатся — испостроили ей темничу, дали ей водитча няньку. Скоро скажетча, долго деитча — водилась нянька лет до семнадцети, до восемнадцети, а тогда говорит царевна девича: «Што же ты, моя нянька, покажи мне, какой есь свет на свете». — «Показать бы я могу, да не смею, потому батюшко царь узнат, соймёт наши головы с тобой, тольки я тебе показать могу в по́тай». Созвала нянька к себе две девичи, отдала девичам: «Ведите под руки по царскому двору, в котором дворе царь в летнюю пору прогуливайтча». Взяли девичу и повели по царскому двору прогуливатча, прохаживатча. И было у царя в этом дворе выкопан колодеч. В этом колодче плавала чароцька золота. Увидала царевна: «Это што, девичи?» — «То твоего батюшко колодеч». — «А што плават в колодчи?» — «А плават твоего батюшка чара золота, он когда прогуливатця, воды почернёт и воды попьёт». Тогда девича почерпнула воды и выпила. Пошла дальше по двору прохаживатця. Увидала она стоит кровать тисова, на кровати перина пухова и подушка шёлкова и спрашивает: «Это што девичи?» — «То твоего батюшка кровать тисова, он в летнюю пору прогуливат и на этой кровати отдыхат и почиват». — «Нельзя ли отдохнуть на ей?» Девича легла и отдыхат на кровати. Тогда немножко полежала, стала с кровати, опять девичу повели кругом по царскому двору. Довели до колодча, опять захотела царю выпить. Поцерпнула, царю выпила и опять пошла, довели опеть до той кровати, опять легла почивать и отдыхать. Немножко почивала, стала с кровати, девичи эти взяли и повели царевну в темничу, отдают бабушки-няньки. И стала эта девича беременна. Тогда — скоро скажетча, долго деитча, — родила девича двух сыновей. Собирали попов и нарекали име: Иван Водович и Фёдор Водович.

Эти робятка растут не по дням, а по часам, и выросли они лет до семи до восьми. И стали просить у матушки благословеньицо: сходить по чисту полю погулять. Давае матушка им благословеницо. «Подите, детки, в чисто поле, гуляйте, а только своему дедушку в глаза не попадайте». Ходили день до вечера, на темну ночь приходят к матушки родимой. Проспали они ночку,

по утру рано встают, на себя цветно платьё надевают и опять отправляютча в чисто полё гулять. Гуляли день до вечера. Наступат тёмная ночь, приходят к матушке родимой ночевать. Мать напоила, накормила и спать повалила. Поутру встают, на себя цветно платьё надевают и просят у матушки благословеницо: «съездить по чистому полю на добрых конях погулять». Даваёт: «Поежжайте, да только дедушку в глаза не попадайте». Вышли робятка вон на уличу, пошли на конюшен двор выбирать себе коней по разуму; выбрали коней, обседлали-обуздали и отправились в чисто полё. Ехали, ехали, лежит сыр-горюч-камень на растáнях, на камню подпись подписана и подрезь подрезана: «По одной дороге ехать — с красными девушками гулять, по другой дороге ехать — живому не быть». Оттуль они, два брата розъехались, распарились. Иван Водович поехал с красными девушками гулять, а Фёдор Водович поехал' де-ка живому не быть.

Сказка пойдёт нынь за Фёдором Водовичем. Ехал, ехал Фёдор Водович, доехал до городу, живет по загороду бабушка-задворенка. Зашёл к бабушке-задворенке, Богу помолился, с бабушкой поздоровался. «Здравствуй, бабушка, богоданна матушка!» — «Здравствуй, дитятко, Фёдор Водович». — «Спусти, бабушка, меня от тёмной ночи начевать и укрытсья». — «Милости прошу дитятко». Коня у Фёдора Водовича обрала, в избу завела, накормила, напоила и спать повалила. У сытого гостя стала вестей спрашивать: «Куда ты, Фёдор Водович, едешь, куда правишься, едешь ты волей или не волею?» — «А поехал я, бабушка, людей посмотреть и себя показать». Вот ночку просыпали, поутру рано ставали, бабушка побежала по городу, што в городе деится. Бегала, бегала, прибежала домой, разговориват: «Дитятко, у нас змей из моря подымаится, на каждая сутки по человеку поглотит; у здешного царя три дочери, сённи жеребей метали, да выпал старшой дочери идти змею на съеденьё». — «А где будёт он ей поглотить?» — «А край синяго моря есь избушка, ей отведут в избушку». — «А нам, бабушка, лъзя ле итти на спроводины, царевну спроводить?» — «А отчего нельзя, можно». Бабушка кашки наварила, Фёдора Водовича накормила и сама поела-покушала. Надели на себя цветно платьё и пошли царю во град царевну провожать. Приходят царю во град. У царя народу как тёмного лесу, провожают царевну. Вывели царевну, посадили на корету и повезли край синяго моря. Довезли до избушки, завели в избушку и распростилися с ей, разошлись. Фёдор Водович осталса один.

Заходит Фёдор Водович в избушку, сидит царевна в избушке слезно плачет. Говорит Фёдор Водович: «Здраствуй, царевна, зачем сидишь, плачешь?» —

«Как же мне не плакать, я свезена змею на съеденье». — «Примай, царевна, меня в товарыщы». — «Примать тебя, тебя змей съест не зачѐ, а мне-ка жеребей выпал». — «Примай, царевна, может, оба спасемся». — «Милости прошу, молодец!» Лѐг Фѐдор царевич на лавку, положил голову на голену: «Ты, царевна, ищи в моей головы, когда змей подымитчя с моря, буди меня». Стала царевна ему в головы искать. Сделалось на мори сильняя буря, погода. Вышѐл из моря змей троиглавой, тогда царевна стала будить доброго молодца. Молодец заспал, захрапел, как порог зашумел, разбудить его не может, колоть жалко, и расплакалась над им слезно. Укáнула слеза ей гореча Фѐдору Водовичу на лицо, тогда скакал Фѐдор Водович скоро на резвы ноги: «Ах, царевна, ты меня ужгала». Говорит царевна: «Вот, доброй молодец, змей вышѐл из синего моря, съест нас». Выскочил Фѐдор Водович вон на уличу, схватил свою саблю востру, бежит змею навстречу. Идѐт Издолищо и похваляется: «Я на свете никого не боюсь, есь только на свете два богáтыря: Фѐдор Водович, да Иван Водович, да они молоды-блады; кабы здесь они были, на одну долонь посадил, другой придавил — пена стала». Говорит Фѐдор Водович: «Чем, погано Издолищо, похваляишься?» — «А я похваляюсь своей силой могучей». — «Да, и ты идѐшь силѐн и могúт, о трѐх головах и за собой много силы ведѐшь, а я невелик зверь, да лапист». Стало поганое змеишшо поворачиваться, посмотреть: какá-така сила идѐт, а Фѐдор Водович подскочил, смахнул своей саблей вострой у его три головы, а туши и головы в синѐ морѐ свалил. Тогда пошѐл к этой царевны в избушку. «Не плачь, царевна, не будешь ты топере змеем съезена. Прощай царевна!» — «Прощай, доброй молодец, да скажись, хто ты, какой?» — «А какой бы не был, да прощай!» Приходит Фѐдор Водович' бабушке-старушке ночевать, попили-поели и спать повалились.

А у царя был пастух, коров пас. Он поутру рано стал, да ко синѐму морю погнал коров поить, побежал в избушку думает: «Царевну змей съел, а платье некуда не дел — мне на пропой годится, соберу пойду». Зашел в избушку, сидит царевна жива. «Здравствуешь, царевна!» — «Здравствуй, слуга коровьей». Говорит слуга коровьей: «Царевна, хто тебя спас, от смерти освободил?» — «Спас меня молодец, не знаю какой, откуль был». — «Скажи, царевна, што я спас тебя». — «Как я могу сказать, как не ты?» — «Не скажешь, я тебя сичас убью, платье содеру, тебя в синѐ море свалю». — «Давай, поди, я скажу, што ты спас». Тогда слуга скоро коров погнал, побегаёт' царю и говорит: «Я твою дочь, царь, спас». — «Как ты мою дочь спас?» — «Я змея убил, головы в синѐ морѐ свалил». — «Ну, ступайте, слуги, по царевну, когда она жива». Скоро слуги лошадь запрегали и поехали по царевну. Приехали, сидит царевна в избушке жива.

«Здравствуй, царевна, ступай, тебя батюшко царь домой зовёт». Вышла царевна, сели и поехали. Приехала царевна, спрашивает царь: «Хто тебя от смерти спас, слободил?» — «От смерти меня спас коровой слуга». Обжаловал царь слугу этого крестами и метáлеми.

Поутру рано бабушка ставала, ходила в город спроведати и это дело всё распознала. Подымается из моря змей шестиголовый, просит у царя человека на съеденьё. И собирались народ все, метали жеребей, кому идти на съеденьё, выпал сренней дочери царской. Тогда бабушка-задворенка прибегают домой, рассказывают: «Вот, Фёдор Водович, слуга коровьей царевну спас, весь разжалованной крестами и метáлеми, а сегодня опять жеребей метали, сегодня серенней дочери идти, ей спровожать будут народ». Бабушка кашку сварила, Фёдора Водовича накормила, опять пошли провожать царевну. Приходят, царю во град (повторяется то же самое, что и в первом случае, разница в том, что змей шестиглавый)... Идёт змей слíнами брыжжет, как дождь частой падёт... (Фёдор Водович срубил змею головы и бросил в море).

У этого царя был слуга овечьей. (Пригоняет утром царский слуга овец к морю поить, видит царевну живую и проделывает все то же, что и коровий слуга, то же самое сделал и третий слуга).

В третий раз собирается народ жеребей метать, достался третьей дочери, меньшей. Кличет клик царь: «Хто мою дочь избавит от смерти, тому полжитья-полбытья, дочь за того замуж выдам, а после смерти моей царской, тому на царстве сидеть». Не хто не нашёлся. (Приходит бабушка-задворенка и рассказывает Фёдору Водовичу. Тот идёт, проделывает всё то же и вступает в борьбу со змеем о девяти головах. Фёдор Водович наказывает царевне: «А не можешь так разбудить, иглой или шилом»)... Смахнул Фёдор Водович шесть голов, осталось три — не забрала сабля боле. Тогда стали они с Издолищем биться рукопашкою. И бьютча, борютча много времени, тогда слышит Фёдор Водович, что в себе силы стало мало и кричит: «Царевна, выйди, помоги поганого Издолища победить». Царевна насмелилась, вышла, взяла бóток и стала бить змея поганого. Тогда они двóима этого зверя поганого и победили, туши и головы в синё морё свалили и тогда зашли в избушку. «Ну, говорит, прощай, а ты теперь не будешь съезжена». Говорит царевна: «Какой ты молодец?» — «А хотя бы я какой, только дай мне своё кольцо обручное и роспростимся». Царевна давала кольцо и роспростились.

А у царя слуга гонил лошадей на синё морё поить... (конный пастух сделал то же, что коровий и овечий)... Веселым пирком и скорой свадебкой за слугу конинного меньшу дочь царь замуж отдават. Тогда царевна от своего батюшка царя выпросила зелена вина посленнюю чарку, подвенечну, поднести всех, кто бы не был. Эта бабушка-задворенка услышала про свадьбу, и пошли они с Фёдором Водовичем к царю на свадьбу. А царевна подносит вино, всем по повенесной чарке вина, и дошла до молодца, до Фёдора Водовича: «Прими-выкушай от меня царю посленную, подвенесную». Берёт Фёдор Водович чару зелена вина и выпивает. Увидала царевна своё кольцо обручное у Фёдора Водовича на руки, и тогда берёт она Фёдора Водовича за правую руку, ведёт ко своему батюшке царю. «Батюшко царь, вот мой богосуженной муж, этот молодец меня спас; не конинной слуга, а этот молодец». Говорит царь: «Почему же ты сказала на конинного слугу, а теперь молодца нашла другого?» — «Потому я сказывала, што поневоли. Он хотел меня убить, моё тулово свалить, платье содрать и пропить». Тогда старшия дочери тоже подходят. «Батюшко, нас этот молодец спас — потому мы сказывали на слуг, что нас убить хотели». Тогда царь этих молодцов посадил на ворота и растрелял: «Не подыскивайтесь под чужо дело». И тогда весёлым пирком и скорой свадебкой — меньшую дочь за Фёдора Водовича стал выдавать. И дал Фёдору Водовичу полжитья и полбытья. И стал Фёдор Водович чарской зять, и стал Фёдор Водович город сохранять и хто бы не поднялся, всех стал побеждать.

И парилса Фёдор Водович в парной байны своей и пошли со своими людьми робочими в озеро купатча. Забрёл Фёдор Водович в озеро, прилетела птичка золота. Захотел Фёдор Водович эту птичку сохватать и поимать. Птичка от Фёдора Водовича не летит, а Фёдор Водович птичку поимать не может и гонитча за ей сзади. Переплыла птичка озеро, и Фёдор Водович перебрёл озеро чéрез. Побежали по земли, побежала птичка до избушки, забежала в избушку, выскочила из избушки Яга-баба со пестом и хлопнула Фёдора Водовича в голову: «Быть ты, Фёдор Водович, серым камнем, лежать отныне и дó веку». И тогда в город Фёдора Водовича не могут дождатча.

Иван Водович ездил, гулял со красными девичами и нагулялся вдоволь и досыта, и обратилса он назад по своей пути-дороги, откуль приехал. Выехал на растáни, откуль с братом разъехались, слез со добра коня, посмотрел сер-горюч-камень, на камне подпись подписана: «Брата живого нет». Думает Иван Водович: «Поеду я брата искать, куда мой брат девалса». Тогда поежжат Иван Водович в тот город, где брат женилса. Народ его увидал и почитают его братом, Фёдором Водовичем. Здравуются с ним:

«Здравствуй, любимой зятелко, Фёдор Водович, где же ты побыл? не можем мы тебя дожидаться». Иван Водович не отпирается от зятя и думает в уме: «Ужо я поживу — не распознаю ле, куды мой брат девалса?» Тогда живёт Иван Водович в царском дворче. Жил долго ле, коротко ле. Истопили байну, пошёл в байну паритца, выпарилса и пошёл на озеро купатця. Тогда прилетела на это озеро птичка золота и стала по озеру поплавывать. Иван Водович за птичкой пображивать, поймать ей хочет себе. Царской народ его унимат: «Фёдор Водович не ходи больше за этой птичкой: птичка тебя уведёт, больше не дожидатся тебя будет в город». Иван Водович пуще за птичкой припират, хочет ей схватать. Тогда эта птичка озеро за озеро переплыла, а Иван Водович за ей перебрёл. Птичка вышла на землю, а Иван Водович за ей гонилса, гонилса, птичка бежала, да бежала, да бежала, заскочила в избушку, выскочила Яга-баба со пестом, обернулась в избе и хочёт хлопнуть Ивану Водовичу голову. Иван Водович раньше ей управилса: «Быть ты, Яга-баба, лежать серым камнем отныне и дó веку». И пала Яга-баба на землю, стал серой горючий камень. Обратился оттуль Иван Водович назад, немного отошёл, лежит сер-горюч-камень на дороги. Поколотил этот камень Иван Водович. «Это лежит, винно, мой братец, Фёдор Водович». Тогда пошёл Иван Водович по чисту полю, нашёл стару кобылёнку худящую, больную и убил это кобылёнко; вывалил из ее брюшину и забилса сам в брюшину. Старыя вороны летают, куркают и говорят: «Омман». Молодые воронёнка летают и говорят: «Обед». Прилетел молодой воронёнок и начел эту ўпать клевать. Иван Водович и хватил этого воронёнка себе в руки. Летат у воронёнка мати, просит воронёнка спустить. Говорит Иван Водович: «Слетай за тридеветь морей по живу воду в колодеч, тогда спущу воронёнка». Говорит воронёнкова мати: «Я не могу тебе воды принести, у меня не в чём». — «Опустись на землю, я тебе подведу под махала две бутылы, в том принесёшь». Опустился ворон на землю, привезал ей Иван Водович по бутылы под то и под друго крыло, тогда полетел ворон по живу воду. Прилетат ворон к колодцу, в котором жива вода, у того колодца солдаты часовы караулят, стоят. Ворон опустилса на землю, стал покúркивать и пограивать. Солдаты часовы таковой птицы не видали. «Ах кака птичка, сама сызая, под махалами светло», — и хотели эту птичку поймать себе на посмотреньё. Этот ворон их стал от колодца отманивать. Тогда ворон отманил, змахнўлся, слетел и полетел в колодеч; в колодеч упал и почерпнул живой воды в бутылы; солдаты часовы бежали, бежали, хотели с ним управитса, ворон раньше их вылетел. А Иван Водович некуда от лошади не отходил, всё дожидал ворона. Прилетел ворон и говорит: «Получай, Иван Водович, живу воду». Иван Водович отвязывал бутылы, а

воронёнка на мелкие ушки розорвал. Тогда начал воронёнка складывать, как воронёнок был; склал воронёнка и притяпкал (прихлопал рукой, чтобы было покрепче), тогда из бутылки этой водой ворона измазал, и стал ворон жив и здоров. И тогда отпустил Иван Водович эту ворону и сказал: «Спасибо, ворон, сослужил ты мне службу». Тогда пошёл к своему брату-родителю. Приходит и смазывает горячей камень; раз смазал — камень подогнул, другой смазал — Фёдор Водович на ноги стал. Говорит Фёдор Водович: «Фу-фу-фу, долго спал, да скоро стал». Говорит Иван Водович: «Здравствуй, Фёдор Водович, родимый брателко, кабы не моя голова, тебе бы боле не восстать». Тогда пошли они в тот город, из которого за птицей угнались. Приходят в тот город и встречают их народ с честью, с радостью, и не могут их признать, которой зять — оба одинаки. Тогда Фёдор Водович поступил в своё место, к своей жене, к своему батюшке царю в том царстве жить. А Иван Водович со своим братом распростился и поехал к своей матушке родимой в своё царство.

(Рассказано Чупровым Алексеем Васильевичем)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.